

Геннадий Семенович Кучеренко
Жан Мелье и передовая общественная мысль
Франции первой половины XVIII в.
Французский ежегодник 1965
М.: Наука. 1966. С.5-30

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Все материалы о Жане Мелье
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>

Др. работы Г.С.Кучеренко
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kuch>

а последнее время о Жане Мелье опубликованы две специальные книги. Первая из них написана советским ученым Б. Ф. Поршневым¹, вторая принадлежит перу прогрессивного французского историка Мориса Домманже². Обе книги не только обобщают накопленный ранее материал и не только анализируют неизвестные ранее факты, — они намечают новые области исследования о Мелье и его «Завещании». Одной из таких областей является вопрос о судьбах «Завещания» в XVIII в.

Известно, что произведение Мелье полностью было опубликовано в 1864 г.³ На этом основании многие историки делали вывод, что в XVIII в. о существовании Мелье не знали. Известно также, что в 1762 г. Вольтер опубликовал «Извлечение» из «Завещания» Жана Мелье⁴. В нем признанный патриарх французского Просвещения опустил социалистические, революционно-демократические и материалистические высказывания Мелье и изложил только антирелигиозные идеи «Завещания», причем лишь те из них, которые не противоречили делу. Это позволяло утверждать, что если идейное наследие Мелье и было известно в XVIII в., то лишь после 1762 г. и в депистической интерпретации Вольтера. Сведения о судьбах «Завещания» в XVIII в., содержащиеся в монографии Б. Ф. Поршнева, значительно укрепили позиции тех историков, которые считают, что, начиная с 1729 г., Жан Мелье знали на протяжении всего XVIII в. Изыскания Домманже в этой области позволили ему сделать вывод, что вопрос о влиянии Жана Мелье на различных представителей общественной мысли Франции XVIII в. «заслуживает специального исследования»⁵.

Воссоздать историю «Завещания» в XVIII в. — задача чрезвычайно трудная не только потому, что предполагает тщательное изучение громадного числа источников и литературы по истории французского Просвещения и утопического социализма XVIII в., и не только потому, что авторы того времени, по цензурным и иным соображениям, весьма редко цитировали и упоминали своих предшественников, даже менее однозвонных, чем Жан Мелье. Главная трудность заключается в том, чтобы не превратить

¹ Б. Поршнев. Мелье. М., 1964.

² M. Dommanget. Le curé Meslier. Le communiste et révolutionnaire sous Louis XIV. Paris, 1965.

³ J. Meslier. Testament. Ed. R. Charles. Vol. 1—3. Amsterdam, 1864.

⁴ G. Bengesco. Bibliographie des oeuvres de Voltaire, t. II. Paris, 1885.

⁵ M. Dommanget. Op. cit., p. 417.

историю «Завещания» в регистр упоминаний о нем и его авторе в тех или иных книгах, но органически вписать идею наследие Мелье в историю передовой общественной мысли Франции XVIII в.

* * *

В «Обращении к читателям», завершающем «Завещание», Мелье писал: «Я намерен сдать свое произведение в судебную регистратуру ваших приходов для сообщения сто вам после моей смерти»⁶. Письма Мелье к кюре соседних с Этрешиньи приходов и генеральному викарию в Реймсе⁷ показывают, что Мелье сделал несколько копий этого произведения. «Я составил их (доказательства против религии) в письменном виде и отнес на хранение в судебную регистратуру нашего прихода (Сен-Менеульд.— Г. К.), чтобы они служили народу свидетельством истины»⁸. В письме к генеральному викарию Мелье сообщает: «Направляю вам это вместе с настоящим письмом... Я не знаю, что вы будете говорить обо мне — о человеке, изложившем такие мысли в завещании и имевшем такие замыслы в уме»⁹. В письме к кюре соседних приходов Мелье выражал опасения о судьбе своего произведения и сомневался, уцелеет ли оно, «яко политике нашей Франции не свойственно допускать, чтобы писания подобного рода опубликовывались или чтобы они оставались в руках народа»¹⁰.

Итак, Ж. Мелье оставил одну копию своего «Завещания» судебной администрации Сен-Менеульда, вторую отослал генеральному викарию в Реймсе. Это подтверждают и Вольтер, и Ренуар, и Буйо — ранние биографы Мелье¹¹. Однако все они говорят еще об одной, третьей, собственноручной копии сочинения Мелье. Вольтер сообщает, что третью копию Мелье завещал Леру, прокурору и адвокату парижского парламента¹². Буйо утверждает, что третья копия попала в рагушу Мезьера¹³. Как говорит Вольтер, эта третья копия вскоре после смерти Мелье была отослана канцлеру Франции Шовлену¹⁴. Ренуар поддерживает эту версию Вольтера, утверждая, что «третья копия была послана в Париж канцлеру»¹⁵. Затем, в 30-х годах XVIII в., пишет Вольтер, она принадлежала известному архисологу графу Кайлюсу¹⁶. В настоящее время все три первоначальные копии «Завещания», по-видимому, утеряны¹⁷. Однако та копия, которая была завещана Леру и отослана Шовлену, а затем принадлежала Кайлюсу, послужила, по всей вероятности, источником для многочисленных списков «Завещания», распространявшихся среди передовой буржуазной интеллигенции как в Париже, так и в провинции.

О том, что сочинение Мелье сразу получило некоторую известность, пишут виднейшие деятели Просвещения. В памфлете, изданном в 1748 г., выдающийся французский философ-материалист Ламетри, упоминая Мелье и кратко характеризуя его, указывает, что «историю священника из Шампани знает много людей» (*bien des gens*)¹⁸. В начале 1762 г. Воль-

⁶ Ж. Мелье. Завещание. М., 1954, т. III, стр. 374.

⁷ Там же, стр. 381—403.

⁸ Там же, стр. 389.

⁹ Там же, стр. 382.

¹⁰ Там же.

¹¹ Voltaire. Oeuvres complètes. Paris, Garnier, 1881—1884, v. XXV, p. 511; v. XLIII, p. 195 (далее: Voltaire. Oeuvres); A. A. Renouard. Catalogue d'une précieuse collection des livres, manuscrits etc... Paris — Londres, 1854, p. 207; Boilliot. Biographie ardennaise, t. II. Paris, 1830, p. 208.

¹² Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 294—295.

¹³ Boilliot. Op. cit., p. 208.

¹⁴ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 51.

¹⁵ A. A. Renouard. Op. cit., p. 207.

¹⁶ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 51.

¹⁷ Домманже выдвигает интересную, но требующую дальнейшего обоснования гипотезу о том, что три рукописи Национальной библиотеки (19458, 19459, 19460) написаны рукой Мелье.

¹⁸ La Mettrie. Ouvrage de Pénélope ou Machiavel en médecine. [S. I.], 1748, t. II, p. 103.

тер писал Дамилавиллю: «Пятнадцать — двадцать лет назад это произведение продавали в рукописи по восьми ливидоров. Это был большой том in — 4°; в Париже имеется более ста экземпляров его. Брат Тирно хорошо осведомлен об этом... Пальцо еще много людей, знавших священника Мелье»¹⁹. Таким образом, к 1742—1747 гг., говорит Вольтер, циркулировало более ста рукописей «Завещания», и имя Мелье было знакомо многим людям.

Неоспоримые факты подкрепляют эти утверждения Ламетри и Вольтера. Мы видели, что Мелье оставил только три рукописные копии своего сочинения. В настоящее время в публичных библиотеках Франции хранятся по 3, а 9 относящихся к XVIII в. списков «Завещания»²⁰. Письмо Вольтера своему поверенному в Париже Тирно от 30 ноября 1735 г., в котором он просит прислать рукопись «Завещания»²¹, показывает, что уже к этому времени произведение Мелье стало известно в литературных кругах Парижа. В 1736 г. Вольтер и его подруга маркиза Шатле, а также окружающие их философы, литераторы и ученые располагали рукописью «Завещания» и имели возможность работать над ней²².

В 1741 г. парижская полиция расследовала дело некоего Лабарьера, который «всегда имел дело с авторами таких сочинений (речь идет о запрещенных, нелегально распространявшихся произведениях. — *Г. К.*) и продавал в свое время (т. е. до 1741 г. — *Г. К.*) произведения кюре из Этрешиньи»²³. Эта архивная запись показывает, что к 1741 г. произведение «кюре из Этрешиньи» стало хорошо известно полицией и что торговля этим произведением являлась одним из мотивов для полицейского преследования. Рукописи «Завещания» в этих условиях могли распространяться только тайно, так как власти сурово карали всякого, кто распространял сочинения, посягающие на существующие социальные и политические порядки²⁴. «Вспоминается мне горбун, — писал впоследствии Вольтер, — который когда-то продавал из-под полы Мелье. Он знал свою публику и продавал только любителям»²⁵.

Одна из рукописей «Завещания», хранящаяся в настоящее время в Национальной библиотеке под номером F. fr 6337, принадлежала умершему в 1746 г. президенту дижонского парламента, видному ученому своего времени Жаку Буйе²⁶. К этой рукописи приложено специальное объяснение и примечание. В примечании сказано: «...Из всех новых авторов, которые осмеливались нападать на религию в целом и в частности, никто не сделал этого с такой силой и ясностью, как автор этого произведения. Здесь не найдешь ни метафизических неясностей, как у Спинозы, Гоббса и Вапниа, ни длинных отступлений, способных оттолкнуть три четверти читателей; рассуждения автора просты, четки и последовательны. Эрудиция в этом произведении так сочетается с искусством (изложения), что никогда не утомляет внимания. Можно сказать, что это произведение является описанием системы, полной антирелигиозности, сборником всего самого сильного, что сказали против общественной веры атеисты и деисты старого и нового времени. Порядок, который царит в этом произведении,

¹⁹ Жан Мелье. Завещание, т. III, стр. 405.

²⁰ См. Catalogue général des manuscrits des bibliothèques publiques en France, Paris, 1886—1906. — Рукописи подробно описаны американским ученым Вейдом. См. J. O. Wade. The manuscripts of Jean Meslier's testament and Voltaire's printed Extrait. — «Modern Philology», 1933, № 4, p. 384—398. Cp. M. Dommanget. Op. cit., p. 513—516.

²¹ Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 404.

²² R. Pomeau. La religion de Voltaire. Paris, 1936, p. 165—167, 174, 196—198.

²³ F. Ravaisson. Archives de la Bastille. Paris, 1866—1904, t. XII, p. 220—221.

²⁴ J. Wade. The clandestine Organization and Diffusion of Philosophic Ideas in France from 1700 to 1750. Princeton, 1938.

²⁵ Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 417.

²⁶ J. O. Wade. The Manuscripts of Jean Meslier's Testament and Voltaire's printed Extrait. — «Modern Philology», № 4, 1933, p. 385; Cp. M. Dommanget. Op. cit., p. 515.

ясно показывает, что оно явилось плодом долгого изучения и зрелых размышлений над вопросами религии: те, кто ищет такого рода сочинения, будут иметь их все в этом одном. Именно это произведение побуждает сделать из него несколько копий для любопытных. Чтобы выразить его идею в наиболее общем виде, и сделали оглавление»²⁷. Когда и кем написана эта столь лестная для Мелье заметка? Авторы специальных исследований почему-то обошли эти вопросы молчанием. Можно предположить, что заметка составлена в XVIII в., ибо Мелье назван в ней писателем нового времени; причем она написана в те годы, когда имена Вольтера, Ламетри, Гельвеция, Дидро и Гольбаха были неизвестны или мало известны: из всех антирелигиозных писателей в заметке упомянуты только Спиноза, Гоббс и Вапни. Не исключено, что автором заметки был Жан Буйе, которому принадлежала рукопись. В пользу этого предположения говорит то, что Буйе имел обыкновение оставлять подробные заметки на принадлежащих ему книгах и рукописях, а также подчеркнуто «академический» тон заметки, которая воздаст должное «эрудиции, искусству и трудолюбию» Мелье, подчеркивает «ясность, простоту и последовательность» его рассуждений, которая, однако, не показывает отношения ее составителя к «системе полной антирелигиозности» автора «Завещания».

Жан Буйе не принадлежит к числу выдающихся мыслителей, однако он играл заметную роль в интеллектуальной жизни Франции первой половины XVIII в. Родился он в 1673 г. в Дижоне в старинной семье дворянства мантии. После окончания дижонского иезуитского коллежа Буйе два года самостоятельно изучал право и совершенствовался в латинском языке, а затем штудировал юриспруденцию в Париже и Орлеане под руководством самых видных юристов того времени²⁸. В 1704 г. Ж. Буйе стал пожизненным президентом дижонского парламента.

Современникам он был известен как блестящий эрудит, автор фундаментальных сочинений по правовым вопросам, комментатор греческих и латинских писателей²⁹, крупный знаток древних рукописей и монет, видный антиквар. Ему принадлежит более 50 печатных трудов³⁰. В 1727 г. Буйе был избран членом Французской академии. Он вел переписку со многими видными учеными и литераторами своего времени³¹. Его личная библиотека получила всеевропейскую известность, и ее фондами пользовались как французские, так и зарубежные писатели³². О величине этой библиотеки и о том, какое значение ей придавали современники, можно судить хотя бы по тому, что в 1722 г. французский король распорядился посылать Буйе все книги, выходящие в королевских типографиях. Буйе основал в своем доме подлинную малую академию, где обсуждались литературные новинки, диссертации и т. д. Один из членов этой «академии», адвокат дижонского парламента Мишо, впоследствии писал: «В течение нескольких лет он (Буйе) принимал в своем кабинете избранных друзей, с которыми каждую неделю обсуждал литературные вопросы... Часто на этих собраниях присутствовали иностранные ученые. Начинали с литературных новостей, затем обсуждали достоинства новых книг, которые ото-

²⁷ I. O. Wade. The manuscripts of Jean Meslier's Testament and Voltaire's printed Extrait.—«Modern Philology», 1933, № 4, p. 385.

²⁸ Ch. Guerrois. Le président Bouhier, sa vie, ses ouvrages et sa bibliothèque. Paris, 1855.

²⁹ См., например: J. Bouhier. La Coutume du Duché de Bourgogne. Dijon, 1717; idem. Recherches et dissertations sur Herodote. Dijon, 1746; idem. Cicero, Marcus Tullius. Nisme, 1812.

³⁰ Catalogue des ouvrages imprimés de M. le président Bouhier.—J. Bouhier. Recherches et dissertations sur Herodote.

³¹ E. Broglie. Les portefeuilles du président Bouhier. Extrait et fragments de correspondance littéraire. Paris, 1896, p. VI.

³² Mémoire de M. le président Bouhier sur sa bibliothèque.—J. Bouhier. Recherches et dissertations sur Herodote.

всюду получал президент Буйе, наконец, касались диссертаций, критических заметок и различных научных статей... Собрание обычно длилось 3 часа... Из этого кабинета вышло много произведений³³.

Можно утверждать, что благодаря Буйе, его обширным связям и библиотеке «Завещание» Мелье стало известно многим людям. Не случайно к копии, которой владел Буйе, сделано оглавление, не случайно замеска, завершающая это оглавление, рекомендует «любопытным» труд Мелье в качестве образца «системы полной антирелигиозности» и советует сделать с него копии, не случайно также принадлежавшая некогда Буйе рукопись больше остальных носит следы работы над ней — она более ветха, более растрепанна, более «зачитана», чем все остальные. И дело не в том, оказал или не оказал Жан Мелье влияние на Буйе и его ближайшее окружение. Ученик иезуитов, брат епископа дижонского и друг епископа лангрского, Буйе всю жизнь сохранял «искренние религиозные чувства», хотя иногда и позволял себе насмешку по адресу духовенства и проиою по поводу некоторых религиозных догматов³⁴. В связи с Буйе нам важно лишь отметить, что до 1746 г. его библиотека была одним из тех центров, в котором «интересующиеся» могли получить сведения о Мелье и ознакомиться с его «Завещанием».

Несмотря на полицейские преследования, затрудняющие распространение «Завещания», лица, «причастные к вольнодумству», были довольно широко информированы об этом замечательном произведении. В «Литературной корреспонденции», являющейся важнейшим источником для изучения эпохи французского Просвещения, Гримм в связи с выходом «Извлечения» Вольтера писал, что «...Завещание долгое время распространялось в рукописи...»³⁵. В письме аббату Трюбле от 17 апреля 1766 г. математик и писатель, член Французской академии, Шарль Лакондамен, бывавший в салоне барона Гольбаха, также свидетельствовал о распространении рукописей «Завещания»: «...«Евангелие разума» является отрывком из принадлежащего священнику из Шампани произведения против церковного откровения. Этот труд вы уже видели либо отпечатанным (речь идет об «Извлечении» Вольтера.— Г. К.), либо в рукописи. Это произведение было многословным; говорят, что его «ужал» сеньор из Ферне»³⁶. Вейд приводит записку крупного чиновника по делам печати Мальзерба, который несколько покровительствовал просветителям. «Мне сказали, что у вас есть знаменитая рукопись о религии священника из Этрешиньи. Если это так, не могли бы вы как можно скорее на время дать мне ее. Я говорю, «как можно скорее», ибо скоро уезжаю в деревню, где сделаю с этой рукописи копию»³⁷. Об «очень ценной рукописи, представляющей собой исповедь короля из Этрешиньи» осведомлен был и Батомон³⁸, мемуары которого являются одним из надежнейших источников для изучения истории французского Просвещения.

* * *

«Завещание» Жана Мелье, распространявшееся в рукописи, оказало глубокое влияние на различных представителей французской общественной мысли XVIII в. У Вольтера, раньше многих познакомившегося с этим произведением, оно вызвало противоречивые суждения.

³³ Michault. *Mélanges historiques et philosophiques*. Paris, 1754.— J. Bouhier. *Souvenirs*. [S. 1 et a.], p. XVIII—XX.

³⁴ J. Bouhier. *Souvenirs*, p. 91—93.

³⁵ F. M. Grimm. *Correspondance littéraire, philosophique et critique*. Paris, 1877, t. V, p. 178.

³⁶ I. Jacquart. *La correspondance de l'abbé Trublet*. Paris, 1926, p. 138.

³⁷ I. O. Wade. *The manuscripts of Jean Meslier's Testament and Voltaire's printed Extrait*.— «*Modern Philology*», 1933, № 4, p. 383.

³⁸ Bachaumont. *Mémoires secrètes pour servir à l'histoire de la république des Lettres en France*, t. II. Paris, 1777, p. 104.

Вольтер узнал о Мелье уже в 1735 г., когда Тирио сообщил Вольтеру о «Завещании». Письмо Тирио не сохранилось. Но вот как откликнулся на него Вольтер: «Что это за деревенский священник, о котором вы пишете? Священник, француз и такой же философ, как Локк? Не можете ли вы прислать мне рукопись? Вы бы могли послать ее по адресу Демулена в небольшом пакете вместе с письмами Попа; я верну ее в полной сохранности»³⁹.

«Завещание» привлекло внимание Вольтера своим глубоким, всесторонним и беспощадным опровержением христианства. Он писал, что эта вещь всегда производила на него сильное впечатление. «Надо, чтобы она стала известной»⁴⁰. «Знайте, что это очень редкая книга, это сокровище»⁴¹. С другой стороны, как писал он позднее, читая эту «слишком бунтовщическую» рукопись, «я дрожал от ужаса»⁴². «Это произведение, крайне необходимое демонам, превосходный катехизис Вользевула»⁴³. Принципы утопического социализма Мелье, идея революционного преобразования общества, объединения для этой цели «жителей деревень и городов», не могли не вызывать ужаса у Вольтера. Это двойственное отношение Вольтера к «Завещанию», растущая популярность «произведения кюре из Этрепиньи», породили у Вольтера решение составить «Извлечение» из «Завещания» Мелье, приспособив некоторые идеи и аргументы выходца из народных низов к нуждам деизма. В январе 1736 г. Вольтер подтвердил получение этих писем, ничего не сказав о «Завещании»⁴⁴. Известно, однако, что в 1735—1736 гг. мадам Шатле составила, по-видимому, при участии Вольтера, пять томов критических «Исследований» Библии, рукописи которых стали известны историкам только в XX в.⁴⁵ Анализ «Исследований» в сопоставлении с «Завещанием» убеждает, что в критике христианской религии оба произведения сходны между собой; больше того, в них имеются прямые текстологические совпадения⁴⁶. «Святой Грацилиан получил наитие от бога, во что верить и чему поучать; силой и мощью своего слова он заставил сдвинуться с места гору, которая мешала ему построить там церковь», — писал Мелье. «...святой Грацилиан своей молитвой заставил сдвинуться с места гору, которая ему мешала»⁴⁷, — вторила ему Шатле.

Из этого видно, что в 1735—1736 гг. Вольтер и мадам Шатле имели в своем распоряжении рукопись «Завещания» и использовали ее в работе над критическими «Исследованиями» Библии. По сведениям Гримма, в Сирес в то время «каждый день... читали главу из «Священной истории» и высказывали о ней свои соображения»⁴⁸. Сирейский период чрезвычайно важен в творческой биографии Вольтера: здесь он приступил к тщательному критическому изучению Библии и создал такие знаменитые антирелигиозные произведения, как «Клятва пятидесяти», значительную часть «Важного исследования милорда Болингброка», многие главы «Наконец объясненной Библии».

³⁹ Вольтер — Тирио, 30 ноября 1735 г. — Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 404.

⁴⁰ Вольтер — Даламберу, февраль 1762 г. — Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 405.

⁴¹ Вольтер — Мармонтелю, 19 июня 1763 г. — Ж. Мелье. Завещание, т. III, стр. 415.

⁴² Вольтер Д'Ариканталю, 16 февраля 1762. — Там же, стр. 405.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Вольтер — Тирио, январь 1736 г.

⁴⁵ См. R. P o m e a u. Op. cit., p. 157.

⁴⁶ Ibid., p. 174.

⁴⁷ Мелье. Завещание, т. I, стр. 210. — Cp. «Il est dit de St. Gracilien qu'il fut divinement instruit de ce qu'il devoit croire et qu'il fit par les mérites et par la puissance de son oraison réculer une montagne qui l'empêchait de bâtir une église». — Testament, t. I, p. 159; у Шарле: «...et on voit la vic St. Gracilien qu'il fit, par sa prière réculer une montagne qui l'incommodoit». — R. P o m e a u. Op. cit., p. 167.

⁴⁸ F. M. G r i m m e. Correspondance littéraire, t. XI, p. 348.

В «Важном исследовании милорда Боллингброка», написанном в конце 1736 г.⁴⁹, довольно много места уделено Мелье. «Мне известно,— писал Вольтер,— что скончавшийся недавно французский священник Жан Мелье, умирая, просил прощения у бога за то, что проповедовал христианство. Этот поступок умирающего священника производит на меня большее впечатление, чем витуэназм Паскаля»⁵⁰. Мелье наряду с Паскалем и Уриэлем Акостой назван здесь в числе тех философов, которые заставили автора «Важного исследования» подвергнуть критическому анализу установления христианской религии.

В так называемых «ленинградских» записных книжках Вольтера, изданных Бестерманом, имеется следующая заметка, которую можно, по мнению издателя, датировать 1735—1750 гг.: «Кюре из [Э]Трещиньи, близ Реймса, честно прослужив двадцать лет, составил завещание, в котором заявил о своем неверии и причинах этого неверия»⁵¹. Эта заметка появилась как ссылка к философскому роману Вольтера «Задиг»⁵².

В сирейский же период, по нашему мнению, Вольтером было составлено и знаменитое «Извлечение»⁵³ из «Завещания», которое одновременно служило и средством пропаганды намеренно урезанных идей Мелье, и средством вытеснения подлинного сочинения Мелье более кратким, более изящным с точки зрения стиля, менее «буштовщическим» и совершенно «не социалистическим» произведением. Во втором издании «Извлечения» поставлена дата его первоначального составления: 18 марта 1742 г.⁵⁴ Некоторые исследователи ошибаются эту дату на том основании, что Вольтер часто в целях конспирации ставил на своих произведениях произвольные даты⁵⁵. Другие считают ее истинной⁵⁶. Вторая точка зрения представляется нам более обоснованной. Помимо того, что Вольтер узнал о Мелье и его «Завещании» еще в 1735 г., что в 1735—1736 гг. он вместе с мадам Шатле работал над рукописью «Завещания», он в сочинении, частично написанном в конце 1736 г., назвал Мелье одним из тех мыслителей, которые заставили его сомневаться в истинности христианской религии и обратиться к тщательному исследованию ее положений. В это же время Вольтером были собраны краткие биографические сведения о Жаксе Мелье. После 1742 г. помимо рукописей «Завещания» стали распространяться небольшие рукописные «Извлечения». В библиотеках Франции хранятся в настоящее время 10 таких рукописей, на одной из них представлена дата: 15 марта 1742 г. По своему содержанию все они, исключая некоторые разночтения и признаки формального характера, соответствуют «Извлечению» Вольтера⁵⁷.

В этом произведении Вольтер следует за Мелье в доказательствах ложности религии, однако черпает аргументы только из той части «Завещания», в которой кюре из Этрещиньи показывает, что все религии мира лишь

⁴⁹ R. Pomeau. *Op. cit.*, p. 151.

⁵⁰ Voltaire. Examen important par milord Bolingbroke, écrit sur la fin de 1736.—Recueil nécessaire avec l'évangile de la raison, t. 2. Londres, 1768, p. 5.

⁵¹ Th. Besterman. *Voltaire's notebooks*, v. VII. Genève, 1952, p. 247.

⁵² Voltaire. *Oeuvres*, v. XXXII, p. 573.

⁵³ Voltaire. Extrait des sentiments de Jean Meslier, adressés à ses Paroissiens, sur une partie des abus et des erreurs en général et en particulier.—*Oeuvres*, v. XXIV, p. 291—336. О других упоминаемых имени Мелье Вольтером см. в именном указателе к сочинениям Вольтера (т. 52).

⁵⁴ Voltaire. *Oeuvres*, v. XXIV, p. 336; cp. G. Bengesco. *Op. cit.*, t. 2, p. 385.

⁵⁵ F. Lachèvre. Voltaire et le curé Meslier. Mélanges sur le libertinage au XVIIIe siècle, vol. VIII. Paris, 1920, p. 229. Cp. R. Pomeau. *Op. cit.*, p. 174.

⁵⁶ G. Lanson. Questions diverses sur l'histoire de l'esprit philosophique avant 1750.—«Revue d'Histoire littéraire de la France», t. XIX, 1912; A. Morehouse. *Voltaire and Jean Meslier*. Princeton, 1936, p. 35; I. O. Wade. *Voltaire and Madame du Châtelet*. Princeton, 1941, p. 488. M. Dommanget. *Op. cit.*, p. 366.

⁵⁷ Подробное описание рукописей «Извлечения» см.: I. O. Wade. *The Clandestine Organization...*, p. 381—398; A. Morehouse. *Op. cit.*, p. 28—38; M. Dommanget. *Op. cit.*, p. 517—518.

измышления человека, что слепая вера, лежащая в основе всех религий, — источник заблуждений, что чудеса, божественные откровения и пророчества, служащие религиозным людям доказательством истинности их религии, никогда не исполнялись. Вольтер также широко пользуется аргументацией Мелье, показывающей несостоятельность Ветхого и Нового завета, как якобы священных книг. Вслед за Мелье Вольтер подвергает острой и саркастически беспощадной критике специфические догмы христианской религии: учение о троице, о воплощении бога, о непорочной божьей матери, о таинствах причащения и т. д. При этом Вольтер либо излагает «Завещание», либо дает из него довольно пространные цитаты. Приводить примеры этого просто бессмысленно — «Извлечение» и первые пять доказательств ложности религии «Завещания» по форме очень сходны. Но те страницы «Завещания», на которых Мелье с наибольшей силой и убедительностью излагает свои социалистические, революционные, материалистические и атеистические воззрения, а именно, шестое доказательство ложности религии, вытекающее из оправданий и освещения ею злоупотреблений, тирании и угнетения со стороны знати, седьмое доказательство, выводимое из ложности самого представления людей о мнимом существовании богов, восьмое доказательство, вытекающее из ложности представлений о духе и бессмертии души, Вольтером совершенно не используются.

Причем, он идет на очень тонкую фальсификацию и при изложении собственно антирелигиозных взглядов Мелье, стараясь представить его деистом. В тексте «Извлечения» совершенно опущены все атеистические выводы автора «Завещания», которые содержатся в первых пяти доказательствах ложности религии. Больше того, Вольтер не останавливается перед вписанном в текст произведении, которое рекомендуется читателям как сочинение Мелье, самовольных приписок, превращающих автора «Завещания» из убежденного атеиста в материалиста в деиста. В эпитафии, сочиненной Вольтером⁵⁸, Мелье перед смертью якобы просил у бога прощения за то, что он был христианином и проповедовал христианскую религию, хотя «Завещание» от первой до последней строчки не только разоблачает христианство, но и доказывает, что бога нет. В «Извлечении» имеется и другая вставка Вольтера, прямо противоречащая боевому атеистическому духу «Завещания». Вольтер пишет: «Нужно рассмотреть все доказательства и свидетельства, показать, какая из религий действительно основана богом, чтобы люди жили в мире, движимые единым чувством, исповедуя одну религию»⁵⁹. Все это не оставляет сомнений, что цель Вольтера состояла в том, чтобы с помощью Мелье проповедовать деистические взгляды.

Излагаю «Завещание», Вольтер отмечал, что в мире существует великое множество религиозных культов. Причем представители каждого из них утверждают, будто именно их культ является истинным, лишен каких бы то ни было ложных и ошибочных положений, присущих другим культам, и будто именно их культ единственный, который основан богом. Это заявляют служители языческих идолов и Будды, Магомета и Христа. Более того, они прибегают к помощи «меча и огня», доказывая «божественное происхождение своей религии». Это приводит к мысли, что все существующие в мире религии являются ложным измышлением человека и не имеют никакого отношения к богу. Следовательно, бога нет, заключал Мелье; нужно показать, какая религия действительно основана богом, чтобы люди ее одну исповедовали и жили в мире, движимые единым религиозным чувством⁶⁰, формулировал Вольтер деистический вывод.

⁵⁸ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 296.

⁵⁹ Ibid., p. 298.

⁶⁰ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 297; Мелье. Завещание, т. I, стр. 114—115.

Вольтер вслед за Мелье пишет, что все религии мира делают фундаментом своего учения и морали ложный принцип веры, т. е. слепого и в то же самое время твердого и непоколебимого доверия к каким-либо законам, божественным откровениям, к божеству в форме, приписываемой данной религией. Именно вера придает авторитет религии и ее предписаниям. Вот почему нет ни одной религии, которая бы решительно не требовала от своих последователей твердости в вере, утверждая, что вера — начало и основа спасения, источник всякой справедливости и святости⁶¹. Однако это ложный принцип, ибо нет ни одного шарлатана от религии, который бы не прикрывался именем бога и который бы не требовал к себе доверия⁶². Слепое доверие к установлениям данной религии является «печальным источником смут и раздоров» среди людей разного вероисповедания. Слепо веря своей религии, люди применяют насилие по отношению к иноверцам⁶³. Но и здесь Вольтер опускает атеистический вывод Мелье: раз все религии строятся на слепой вере, то из этого с очевидностью следует, что «все, что они выдают за богов, их законы и предписания, их тайны и мнимые откровения, на самом деле являются лишь заблуждением, иллюзиями, обманом и надувательством»⁶⁴. Вольтер ограничивается деистической сентенцией о том, что религии, основанные на слепой вере, не могут быть истинными установлениями бога⁶⁵.

Далее Вольтер пересказывает рассуждения Мелье о том, что богословы не пренебрегают и «доказательствами» истинности религии⁶⁶. Все они усматривают святость своей религии в том, что она осуждает порок и предписывает добродетель. Религиозная доктрина столь чиста и проста, что может исходить только от чистоты и святости бесконечно доброго и мудрого бога. Невозможно допустить, говорят верующие, что первые христиане, великие защитники и мученики новой религии «ошибались в своей вере, для которой они отказывались от всех благ жизни и терпели жестокие мучения». Предсказания пророков, сделанные в разное время, по мнению богословов, явно и бесспорно осуществлены в их религии. Самое главное «доказательство» истинности религии христопоклонники усматривают в «величии и громадном числе чудес, совершавшихся в разное время и в разных местах по милости их религии»⁶⁷.

Вольтер, используя аргументацию Мелье, показывает, что все эти так называемые «доказательства» можно легко опровергнуть, так как они одинаковы для всех религий: «Магометане, индусы и язычники ссылаются на преимущества своей религии, как и христиане... Язычники не меньше гордятся своими пророчествами, чем христианские богословы». У каждой религии есть свои ученые и ревностные защитники, потерпевшие жестокие гонения и даже смерть за исповедание и защиту своей религии.

Что касается чудес, то всякая религия «располагает» ими в достаточном количестве⁶⁸ и они могут исходить как от лжецов, так и от честных людей⁶⁹. Для доказательства этого положения Мелье и Вольтер сравнивают чудеса Моисея с чудесами, которые делали фокусники перед египетским фараоном⁷⁰. Если Моисей превратил свой жезл в змея, воду в кровь, навел на страну множество жаб, гадов и вредных мух, то и фокусники фараона сделали то же самое. Если они и были в конце концов превзой-

⁶¹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 229; Мелье. Замечание, т. I, стр. 119.

⁶² Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 229; Мелье. Замечание, т. I, стр. 121.

⁶³ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 229; Мелье. Замечание, т. I, стр. 123.

⁶⁴ Мелье. Замечание, т. I, стр. 124—125.

⁶⁵ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 299.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 299—300; Мелье. Замечание, т. I, стр. 125—127.

⁶⁸ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 300—301. Мелье. Замечание, т. I, стр. 128—131.

⁶⁹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 301; Мелье. Замечание, т. I, стр. 131.

⁷⁰ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 301; Мелье. Замечание, т. I, стр. 134—138.

дены Моисеем, то это свидетельствует только о том, что он был более искусным фокусником, но вовсе не о том, что он действовал по наитию какой-то сверхъестественной силы. Мелье и Вольтер показывают, что даже в Библии — священном писании христиан — имеются указания на то, что могут быть «живые пророки» и творцы «мнимых чудес», которые будут прикрываться именем бога⁷¹. Решить же, кто истинный пророк и чудотворец, а кто лжец — невозможно. Да и самого Христа, которого христоклонники почитают богом, некоторые авторы «священного писания» характеризуют как жалкого ничтожного человека, безумного фанатика и презренного висельника⁷². Где же основание верить, что он совершил те чудеса, которые ему приписывают другие авторы Библии?

Мнимые чудеса не могут быть надежными доказательствами и свидетельствами истинности какой-либо религии еще и потому, что нет уверенности в том, происходили ли они на самом деле и надежны ли рассказы о них. Действительно, чтобы иметь некоторую уверенность в достоверности рассказов о чудесах, необходимо знать, заслуживают ли доверия те, кто первыми рассказал их; точно ли переданы этими рассказчиками факты; не подложны ли, не фальсифицированы ли книги, в которых повествуется о чудесах христианской религии⁷³.

Мелье и Вольтер приводят многочисленные примеры, показывающие недостоверность мнимого священного писания, доказательства его «фальсификации и испорченности», свидетельства того, что ни Ветхий, ни Новый завет «не обнаруживают никаких признаков мудрости или сверхчеловеческих знаний», факты, вскрывающие противоречия и ложность чудес в евангелиях; совпадения христианских и языческих чудес — и делают вывод, что все чудеса одинаково ложны. Четыре канонических евангелия, в которых рассказывается о чудесах Иисуса Христа, показывают, что их авторы были люди невежественные и грубые. Как можно верить тому, что они описывают? Где гарантии того, что эти четыре евангелия, как и другие «священные» книги, не поддельны? Даже о фактах сегодняшнего дня очевидцы говорят по-разному. Несомненно, переписчики и типографы искажали Библию, изменяли ее и прибавляли в святое писание все то, что казалось им хорошим и соответствовало их собственным убеждениям⁷⁴.

Сами христоклонники не могут отрицать, что в их так называемом священном писании были произведены в разное время различные добавления, сокращения и подделки⁷⁵. Например, книги Ветхого завета были исправлены и приведены в «первоначальный вид» служителем христианского «закона» Ездрой. По его свидетельству, книги Ветхого завета были отчасти утеряны, отчасти искажены. Ездра разделил Ветхий завет на 22 книги и составил еще несколько сборников, но последние почему-то не почитаются священными. Где гарантии того, что Ездра нашел и обработал книги истинного священного писания? Правда, он сообщает, что исправил и дополнил Ветхий завет по внушению бога, — однако этому свидетельству нельзя придавать серьезного значения, так как любой лжец на месте Ездры говорил бы то же самое⁷⁶.

«Божественные» книги не содержат в себе ничего божественного или вдохновенного, в них нет ни грана науки и мудрости. «В них нет никакой учености, никакой возвышенной мысли, нет ничего превосходящего средний человеческий разум»⁷⁷. Напротив, мы видим в этих книгах чепуху

⁷¹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 302; Мелье. Завещание, т. I, стр. 142—143.

⁷² Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 301; Мелье. Завещание, т. I, стр. 137.

⁷³ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 302; Мелье. Завещание, т. I, стр. 144—146.

⁷⁴ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 303; Мелье. Завещание, т. I, стр. 151.

⁷⁵ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 303; Мелье. Завещание, т. I, стр. 153—157.

⁷⁶ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 303—304; Мелье. Завещание, т. I, стр. 157—

158.
⁷⁷ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 303—304; Мелье. Завещание, т. I, стр. 162—

басни о создании женщины из ребра мужчины, о земном рае, о змие, который говорил, рассуждал и был хитрее человека; об ослице, которая упрекала своего хозяина за дурное с ней обращение, о всемирном потопе и о ящике, в котором были заперты все животные мира, о смещении языков и разделении наций — все это не менее баснословно, чем рассказы о деятельности Прометея, о ящике Пандоры, о войне богов и титанов и пр.⁷⁸ Кроме этих басен, в «священных» книгах речь идет о суевериях, касающихся жертв и очищений, о правдивых и вымышленных историях из жизни тех или иных царей и правителей⁷⁹. А речи и деяния пророков?! Пресловутые «пророки» объявляют, что они действовали по внушению бога и обладали божественным откровением. Однако они больше напоминают страдающих галлюцинациями «духовидцев», чем мудрецов и ученых⁸⁰. Даже в книге притчей Соломоновых, книге Премудрости и Эклезиасте нет ничего такого, что превосходит кругозор и меру человеческого ума. Больше того, басни Эзона, например, гораздо более остроумны и поучительны, чем все грубые и низменные притчи, помещенные в евангелиях⁸¹.

Евангелия изобилуют противоречиями. У евангелиста Матфея Христос происходит от царя Давида через сына его Соломона и всех потомков этого Соломона вплоть до Иосифа, отца Иисуса Христа. У евангелиста Луки Иисус происходит от того же Давида, но через его сына Натана и всех его потомков до Иосифа. Кому верить? От кого происходит Христос? Ведь ясно, что потомки Соломона и потомки Натана не одни и те же люди⁸².

Разной и противоречия имеются и в рассказах о том, что произошло после рождения Христа. Матфей сообщил, что после появления на свет Христа в Иерусалиме распространился слух о рождении нового царя. Царь Ирод, опасаясь, что этот новый царь когда-нибудь займет его престол, приказал передуть и перерезать всех младенцев, родившихся за последние два года в окрестностях Вифлеема. Родители Иисуса узнали об этом и бежали вместе со своим ребенком в Египет, где жили до смерти Ирода. У евангелиста Луки мы не встречаем упоминаний ни о бегстве родителей Христа в Египет, ни о жестоком приказании Ирода относительно младенцев Вифлесской области⁸³. В евангелиях имеются противоречия и о том, сколько прошло времени от крещения Христа до его расятия. Первые три евангелиста (Матфей, Марк, Лука) утверждают, что после крещения Иисус прожил не более трех месяцев и был распят в первое же свое посещение Иерусалима. По сведениям евангелиста Иоанна, Христос в Иерусалиме был не один раз, а три раза⁸⁴. Противоречат друг другу евангелисты и в рассказах о первом деле Христа после его крещения. Согласно первым трем евангелистам, дух божий перенес Христа в пустыню, где он постился сорок дней и сорок ночей, причем его несколько раз искушал дьявол; а по евангелию Иоанна, Христос на третий день после крещения отправился на свадьбу в Кану Галилейскую, где совершил свое первое чудо, превратив воду в вино⁸⁵. Особенно много противоречий в рассказе о так называемой тайной вечере Иисуса Христа с его апостолами, на которой, как утверждают римско-католические хриstopоклонники, Христос учредил таинство причащения его тела и крови под видом и образом хлеба и вина. Иоанн

⁷⁸ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 305—306; Мелье. Завещание, т. I, стр. 163—164.

⁷⁹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 306; Мелье. Завещание, т. I, стр. 164.

⁸⁰ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 306; Мелье. Завещание, т. I, стр. 165.

⁸¹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 306—307; Мелье. Завещание, т. I, стр. 165—166.

⁸² Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 307; Мелье. Завещание, т. I, стр. 166—167.

⁸³ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 307—308; Мелье. Завещание, т. I, стр. 168—169.

⁸⁴ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 308—309; Мелье. Завещание, т. I, стр. 170—173.

⁸⁵ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 309; Мелье. Завещание, т. I, стр. 173—174.

сообщает, что после этой вечери Иисус омыл своим ученикам ноги, а затем произнес пространную речь. Три других евангелиста говорят, что сразу же после вечери Христос удалился с апостолами на Масличную гору и там в одиночестве совершил молитву, предал свою душу печали и в конце концов впал в предсмертную тоску, тогда как его апостолы спали в некотором отдалении⁸⁶. Не меньше несуразностей и в свидетельстве относительно дня этой так называемой тайной вечери. Из евангелий и других книг священного писания следует, что тайная вечеря происходила в ночь накануне пасхи. Из тех же книг вытекает, что в эту же самую ночь Христа судили и приговорили к распятию на кресте⁸⁷. Чем же тот, кого христиане почитают богом, занимался накануне пасхи? Сведения евангелистов о мнимом вознесении Христа на небо столь же противоречивы. Марк и Лука определенно утверждают, что Иисус вознесся в присутствии своих одиннадцати учеников; но ни Матфей, ни Иоанн ни слова не говорят об этом вознесении. Более того, Матфей довольно ясно свидетельствует, что этого вознесения вообще не было.

Противоречия евангелий ясно показывают, что «эти книги — не результат божественного вдохновения и даже не плод какой-либо человеческой премудрости и поэтому не заслуживают веры»⁸⁸. Причем, почему евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна христопоклонники считают священными, а другие, подобные же писания, они отвергают? Таким образом, показывая противоречия евангелий, в которых речь идет о деяниях Христа, Мелье и Вольтер не только подрывают веру в священное писание, но и разоблачают миф о божественности Иисуса Христа.

Далее Мелье и Вольтер показывают ложность евангелических чудес.

Бог послал в пустыню ангела утешить и ободрить рабыню Авраама Агарь, которую его жена Сарра выгнала из дома из ревности; в то же время этот бог предоставляет бесчисленному множеству безвинных и несчастных людей страдать и погибать⁸⁹. Бог посылал ангелов помогать отдельным людям в путешествии и оберегать их от опасностей, а прародителям рода человеческого, Адаму и Еве, бог послал демона, дьявола, простую змею, чтобы соблазнить их и таким образом погубить весь род человеческий. Этот бог через специальное откровение воспрепятствовал царю Герасскому впасть в легкую ошибку с жемчужиной-иностранкой, его пленницей, но ничего не сделал, чтобы воспрепятствовать грехопадению Адама и Евы, а ведь этот грех, по суждению христопоклонников, послужил причиной гибели всего человечества⁹⁰. Бога нет, неоднократно повторяет в этом разделе Мелье. Священное писание бессмысленно, — таков приемлемый для деизма вывод Вольтера.

Много нелепостей и несуразностей и в житиях христианских «святых»⁹¹. Эти «святые» давали, когда хотели, зрение слепым, слух глухим, выпрямляли хромым, исцеляли паралитиков, изгоняли бесов, воскрешали мертвых. Все эти чудеса совершались одним только именем Христа, единым крестным знаменем. Этой сверхъестественной силой обладали не только святые, ее сохраняли даже их тени и одежда. Говорят, будто онучи святого Гонория воскресили мертвого, будто палки святых Петра, Иакова и Бернарда творили подобные же чудеса. То же говорят о веревке святого Франциска, палке Иоанна, поясе Меланьи и т. д.⁹² В житиях «святых» можно прочесть, будто душа святого Бенедикта вознеслась на небо, облаченная в драгоценную мантию и окруженная пылающими лампадами, будто у

⁸⁶ *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIV, p. 310; Мелье. Завещание, т. I, стр. 176—177.

⁸⁷ *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIV, p. 310; Мелье. Завещание, т. I, стр. 177—178.

⁸⁸ Мелье. Завещание, т. I, стр. 188.

⁸⁹ *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIV, p. 313; Мелье. Завещание, т. I, стр. 202, 205.

⁹⁰ *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIV, p. 314; Мелье. Завещание, т. I, стр. 206.

⁹¹ *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIV, p. 314; Мелье. Завещание, т. I, стр. 208.

⁹² *Voltaire. Oeuvres*, v. XXIV, p. 314; Мелье. Завещание, т. I, стр. 210

святых Павла и Пантелеймона, когда им отрубили головы, потекло вместо крови молоко, будто в день канонизации святого Антония Падуевского все колокола города Лиссабона звонили сами собой, будто этот святой остановился однажды на берегу моря, призвал рыб, и они явились к нему, высушили из воды головы и внимательно слушали его поучения⁹³. «Можно ли найти предел рассказам о всем этом выдоре? Каждый новый рассказ — новая пустота и ложь. Авторы... наперебой стремятся нагромоздить чудеса на чудеса, забывая себя и наивных невежд невероятной ложью»⁹⁴.

Все мнимые христианские чудеса, по мнению Мелье и Вольтера, сочинены лишь в подражание басням и фантазиям языческих поэтов⁹⁵. Как христианский бог дал своим святым власть совершать чудеса, так и дочерям Аиня, великого жреца Аполлона, бог Вакх дал власть превращать в хлеб, вино и масло все, к чему они прикаснутся⁹⁶. Как хриstopоклонники говорят, будто их Иисус родился от девы, не знавшей мужчины, так и язычники еще раньше утверждали, что Рем и Ромул были чудесно рождены девственницей-весталкой. Они же говорили, что Марс, Вулкан и другие боги были рождены богиней Юноной без мужа, а богиня наук Минерва вышла из головы Юпитера, когда он ударил себя по голове⁹⁷.

Одним из величайших чудес хриstopоклонники почитают вознесенье Христа на небо. Однако языческие писатели сообщают, что на небо был вознесен основатель Рима Ромул, сын троянского дара Ганимед, которого на небе Юпитер назначил своим виночерпием, и даже осел, принадлежащий Силеву⁹⁸. Как у христиан Моисей извлек воду из камня ударом посоха, так конь Пегас у язычников извлек ее ударом копыта по скале⁹⁹. Хриstopоклонники утверждают, что стены города Иерихо пали от звука труб, а язычники, — что стены Фив, повинувшись музыке Амфиона, сами сложились вновь¹⁰⁰. «...Если было великой глупостью, — заключает Вольтер, — верить в чудеса языческие, то не менее дико верить в чудеса христианские, с них спирированные...»¹⁰¹.

Главнейшее основание всего христианского вероучения и религии состоит в предположении, что бог послал сына своего на землю, чтобы он сделался человеком, чтобы он возложил на себя все грехи мира и разрушил цело дьявола и что Христос умер за людей, следуя намерениям своего отца. Христос должен был, искупив грехи людей, очистить их души от порока и создать народ возлюбленный и ревностный к добрым делам. Это должно было бы быть главным чудом Христа. Он его не совершил. Каждая строка этого раздела «Завещания» подводит к мысли, что бога нет. Вольтер и здесь не идет дальше действительных выводов. «Бог, предохранивший тела от болезни и порчи, — говорит он, — не смог сохранить души от пороков и грехов, причем те самые души, которые он спас ценой своей крови. Какое жалкое противоречие!»¹⁰².

Приступая к доказательству ложности видений и божественных откровений, Вольтер, подобно Мелье, замечает, что «если бы кто-либо в наше время (т. е. в 20—40-е годы XVIII в. — Г. К.) вздумал похвалиться, что ему были такие видения и божественные откровения..., то таких людей, всех без исключения, сочли бы помешанными, людьми, подверженными галлюцинациям, полоумными фанатиками»¹⁰³. Особенно показательны

⁹³ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 315; Мелье. Завещание, т. I, стр. 211—213.

⁹⁴ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 315.

⁹⁵ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 315; Мелье. Завещание, т. I, стр. 219.

⁹⁶ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 315; Мелье. Завещание, т. I, стр. 219.

⁹⁷ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 316; Мелье. Завещание, т. I, стр. 220.

⁹⁸ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 317; Мелье. Завещание, т. I, стр. 221.

⁹⁹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 318; Мелье. Завещание, т. I, стр. 224.

¹⁰⁰ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 319; Мелье. Завещание, т. I, стр. 225.

¹⁰¹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 319; Мелье. Завещание, т. I, стр. 226.

¹⁰² Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 319.

¹⁰³ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 320. Мелье. Завещание, т. I, стр. 240.

в этом отношении видения Аврааму, Исааку и Иосифу об избранности еврейского народа. Во время этих видений бог дал этим сынам Израиля обещания сделать их потомство самым многочисленным, счастливым, святым и господствующим на земле; заключить с ними вечный союз и закрепить в «вечное владение землю им данную»¹⁰⁴. Ни одно из этих обещаний не исполнилось. Евреи — не самый многочисленный народ на земле. «Даже в те времена, когда он был наиболее многочисленным и процветающим, он занимал лишь маленькие провинции бесплодной Палестины и ее окрестностей, что, конечно, ничто в сравнении с теми огромными государствами, которые процветали во всех странах земли». Этот народ никогда не господствовал; более того, его государство было разгромлено римлянами, а сам он был рассеян по всей земле и живет среди гонений. Следовательно, не исполнилось и обещания вечного союза сынов Израилевых с богом¹⁰⁵.

Доказательство ложности религии, вытекающее из ложности мнимых откровений и пророчеств Ветхого завета, как и доказательство, вытекающее из заблуждения ее учения и морали, Вольтер излагает очень кратко, передавая лишь канву главных рассуждений Мелье по названным вопросам. Христопоклонники особое значение придают пророчествам, расценивая их как свидетельства божественного откровения или внушения. Однако кто были пророки? По мнению Мелье и Вольтера, это — либо духовидцы-фанатики, либо лжецы. Действительно, как можно верить «пророку» Иезекиилю, который якобы получил приказание от бога есть книгу, связать себя как безумного, лежать 390 дней на одном боку и 40 — на другом, есть пададь вместо хлеба и за обедом поедать кал быка¹⁰⁶. Эти пророки без конца обвиняют друг друга в самозванном присвоении права говорить от лица бога. «Все они говорят: берегитесь лжепророков, подобно продавцам патентованных лекарств, которые говорят: остерегайтесь подделок»¹⁰⁷. Как могли дикари, подобные Иезекиилю, знать будущее, восклицает Вольтер. В «Завещании» приводится много мнимых пророчеств Ветхого завета относительно процветания еврейского народа. Вольтер опускает эти примеры и ограничивается общим положением, что все эти пророчества не осуществились¹⁰⁸.

Так же суммарно излагает Вольтер главу «Завещания» о ложности мнимых пророчеств Нового завета. Согласно евангелиям, ангел явился во сне некоему Иосифу, предполагаемому отцу Иисуса Христа, мужу Марии и сказал: «Не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившаяся в ней есть от духа святого; она родит тебе сына и наречешь ему имя Иисус потому что он спасет свой народ от грехов». Этот же ангел сказал Марии «Не бойся, потому что ты обрела благодать у бога; возвещаю тебе, что ты зачнешь в чреве твоём и родишь сына и наречешь ему имя Иисус; он будет велик и наречется сыном всевышнего, и даст ему господь престол Давида, отца его, и будет он царствовать над домом Иаакова вовеки и царство его не будет конца»¹⁰⁹. Когда Иисус начал проповедь, он заявил «Покайтесь, ибо близко царство небесное». Далее он возвещал, что пошле своих ангелов, которые удалят из его царства всех, творящих соблазн: беззакония, и звергнут их в печь огненную, где будет плач и скреже зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в царстве отца их¹¹⁰. В

¹⁰⁴ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 320—321, 323; Мелье. Завещание, т. I, стр. 240—250.

¹⁰⁵ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 323—324; Мелье. Завещание, т. I, стр. 25—281—286.

¹⁰⁶ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 324.

¹⁰⁷ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 325; Мелье. Завещание, т. I, стр. 291—295.

¹⁰⁸ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 325.

¹⁰⁹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 325—326; Мелье. Завещание, т. I, стр. 332—333.

¹¹⁰ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 326—327; Мелье. Завещание, т. I, стр. 333—334.

эти пророчества оказываются явно ложными, пустыми и обманчивыми. Иисус Христос не стал царем на престоле предка своего Давида, он не освободил мир от греха, в мире остается много людей, творящих зло и беззаконие, праведники «це сияют, как солнце»¹¹¹.

Христопоклонники, однако, считают грубой наивностью понимать пророчество буквально; они говорят о необходимости толковать их мистически и духовно, аллегорически и фигурально. И Мелье, и Вольтер считают это жалкой уловкой¹¹². Под народом Израиля, говорят богословы, надо понимать не израильтян во плоти, а израильтян по духу, т. е. христиан; обещанное им изобилие богатств, благ и всякого мирского благополучия следует понимать как изобилие духовных милостей и благодати и т. д. Надо быть удивительно наивным или поразительно легковерным, чтобы благочестиво верить в столь вздорные и пустые толкования. Ведь этак и приключения знаменитого Дон Кихота можно толковать аллегорически и фигурально и найти в них совершенно сверхъестественную и божественную мудрость.

Затем Вольтер очень кратко излагает критику Мелье специфических догматов христианской религии: учение о триничности бога, понятие о Христе, как о богочеловеке, христианское таинство причащения, согласно которому, вкушая освященные хлеб и вино, верующие вкушают тело и кровь господня¹¹³.

Таково «Извлечение» Вольтера — яркое антирелигиозное произведение деистического направления. Воинствующий антиклерикализм Вольтера был важной составной частью идеологической подготовки Великой французской революции. Критика Вольтером на основе «Завещания» Мелье господствующей религии расшатывала традиционную веру, будила творческую мысль, толкала к дальнейшим поискам истины. В этом смысле антиклерикализм Вольтера, питающийся, в частности, антиклерикализмом Мелье, является одним из идейных истоков французского материализма и атеизма XVIII в. Вместе с тем деизм Вольтера с его учением о естественной религии был как бы идейным компромиссом между прежними господствующими классами и буржуазией, рвущейся к экономическому, политическому и идеологическому руководству обществом.

* * *

Некоторые данные позволяют предполагать, что Вольтер не был единственным из французских деистов, на чье творчество идеи «Завещания» Мелье оказали столь заметное влияние. Наши данные по этому вопросу имеют предварительный характер и нуждаются в дальнейшей проверке и тщательном уточнении.

В пятом номере журнала «Вопросы философии» за 1962 г. появилась статья А. И. Голодко «Библиотека здравого рассудка — энциклопедия атеизма конца XVIII — начала XIX в.», в которой описывается содержание этого выдающегося памятника русского атеизма. В 1959 г. этот сборник был обнаружен М. М. Персицем и проанализирован им в статье «Русский атеистический рукописный сборник конца XVIII — начала XIX в.»¹¹⁴ Мы начали со статьи А. И. Голодко, так как он более подробно, чем М. М. Персиц, рассказывает о русском переводе французской деистической рукописи «Examen sur la religion», включенной в этот сборник, и излагает вступление к этому переводу, в котором говорится, что Уриэль Анаста и

¹¹¹ Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 327—329; Мелье. Завещание, т. I, стр. 337—334.

¹¹² Voltaire. Oeuvres, v. XXIV, p. 329; Мелье. Завещание, т. I, стр. 386—437.

¹¹³ Voltaire. Oeuvres v. XXIV, p. 326—336; Мелье. Завещание, т. I, стр. 7—153.

¹¹⁴ См. М. М. Персиц. Указ. статьи.— «Вопросы религии и атеизма», т. VII, 1959.

Жан Мелье были мыслителями, побудившим автора «Examen sur la religion» исследовать достоверность святого писания¹¹⁵.

Исследователи очень высоко оценивали значение «Examen sur la religion» в истории передовой общественной мысли Франции XVIII в. «Examen sur la religion», — писал Вейд, — является документом особого значения в развитии французского деизма от Бейля до 1750 года; быть может, это самое ясное выражение деизма этого периода¹¹⁶. Автором этого произведения был, по всей вероятности, Дюмарсе¹¹⁷, тесно связанный с Буленвилле, Фрере, Мирабо, Лавеском Дебюрийн и другими вольнодумцами-деистами, которые в первой половине XVIII в. пытались объединить свои усилия в совместной борьбе против христианской ортодоксии¹¹⁸. Поэтому «Examen sur la religion» в известном смысле является плодом их коллективного творчества. Не случайно современники приписывали авторство каждому из перечисленных нами антирелигиозных писателей. Антиклерикализм этого произведения вдохновлял Вольтера¹¹⁹ и Руссо¹²⁰, Дидро¹²¹ и Гольбаха¹²².

Это произведение было написано не ранее 1738 г.; в 1745 г. оно было частично издано Сеп-Эвремоном, а в 1765 и 1768 гг. в отрывках было опубликовано Вольтером¹²³. В этих изданиях нет вступления с упоминанием Мелье, которое предпослано этому сочинению в русском переводе. Нет такого вступления и ни в одной из двух французских рукописей этого произведения, хранящихся в Ленинградской Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и послуживших, по-видимому, оригиналом для русского перевода, ибо сравнение русского текста с обоими «ленинградскими» рукописями показывает, что мы имеем дело с одним и тем же произведением. Ни о вступлении, ни об упоминании Мелье ничего не говорится и в разделе, посвященном «Examen sur la religion» в фундаментальной монографии Вейда. Значит, вступления и упоминания Мелье нет и в рукописях, хранящихся в зарубежных библиотеках. Откуда же русский переводчик взял текст вступления, в котором упоминает Мелье?

Вот отрывок из этого вступления, который мы приводим лишь с незначительным изменением архаической русской орфографии конца XVIII — начала XIX в.

«Паскаль начинает встревоживать чрез свои беспорядочные мысли читателя. Тот, кто сражается с христианской религией (говорит он), учится познать ее. В этих словах я вижу, что он не беспристрастный человек и желает покорить под свое иго. Меня уведомили, что один во Франции священник, называемый Жан Мелье, умирая, просил у бога прощения за проповедование христианства. Это при кончине расположение производит во мне более действия, чем вадорщий Паскаль. Я видел в Дюшестере, в британском приходе, пола, отказывающегося от службы, приносящей ему доход в 200 фунтов стерлингов, и признававшегося своим прихожанам, что его совесть запрещала ему проповедовать глупые мерзости христианской секты. Но ни «Завещание» Жана Мелье, ни признание сего достойного священника не являются для меня твердыми доказательствами. Израильянин Акоста не признавал всенародно Ветхого завета. Но я не поверю

¹¹⁵ См. А. И. Голодко. Указ. статья. — «Вопросы философии», № 5, 1962, стр. 133—134.

¹¹⁶ I. O. Wade. The Clandestine Organization..., p. 163.

¹¹⁷ Bengesco. Op. cit., t. II. p. 392—394; cp. I. O. Wade. Clandestine Organization..., p. 157.

¹¹⁸ I. O. Wade. The Clandestine Organization..., p. 29, 158.

¹¹⁹ A. Morehouse. Voltaire and Jean Meslier. Princeton, 1936, p. 6.

¹²⁰ Masson. La profession de foi du vicaire savoyard, p. 540.

¹²¹ I. O. Wade. The Clandestine Organization..., p. 164.

¹²² V. W. Topazio. D'Holbach's moral philosophy, its background and development. Geneva, 1950, p. 44.

¹²³ Voltaire. Recueil nécessaire avec l'Évangile de la raison, t. I. Londres, 1768 (издание 1768 г. аутентично изданию 1765 г.).

столько же израильянину, сколько священнику Мелье, я должен с твердым вниманием рассмотреть дело, не вдавая себя в обман никакому стряпчему, а решать, следуя моей совести»¹²⁴.

Что же могло послужить оригиналом для этого русского перевода, если ни в известных науке рукописях «Examen sur la religion», ни в изданиях этого произведения нет никакого вступления?

В том же двухтомнике, в котором опубликован «Examen sur la religion», опубликовано уже упомянутое произведение Вольтера «Важное исследование милорда Болингброка», вступление к которому почти текстуально совпадает с вступлением русского перевода «Examen sur la religion»¹²⁵. Так значит, русский переводчик использовал вступление Вольтера к «Важному исследованию милорда Болингброка» и «пристегнул», просто присоединил его к «Examen sur la religion»? Нет, не значит. Русский перевод вступления более пространен, чем вступление, автором которого считают Вольтера. Так, например, во вступлении к «Важному исследованию» совершенно не упоминается девонширский священник, который отказался проповедовать христианскую религию, хотя это ему и давало 200 фунтов стерлингов дохода. Кроме того, основной текст русского перевода, совпадая с рукописными французскими оригиналами, не аутентичен изданию Вольтера, который, как известно, опубликовал лишь отрывки из «Examen sur la religion». Быть может, вступление имеется в других, неизвестных науке, копиях «Examen sur la religion» и послужило источником как для русского переводчика, так и для самого Вольтера?

Во всяком случае в свете вышесказанного мы не вправе полностью исключить возможность, что имя Мелье и его идеи были известны французским деятелям первой половины XVIII в. Тем более, что один из них, Цезарь Шено Дюмарсе (1676—1756), на протяжении 12 лет был связан с другом Мелье Клодом Бюффье, разделял его языковедческие и педагогические идеи, упоминал о нем в своих произведениях. В этих условиях вполне возможно, что Дюмарсе знал о Мелье¹²⁶. Но, независимо от этого, перекличка идей, понятий, аргументов в критике христианской религии Мелье и названных философов-деистов бесспорна.

Для сравнения антирелигиозной критики Мелье и деистов из кружка Буленвилле мы воспользуемся как архивным экземпляром рукописи, так и более доступным читателю изданием «Examen sur la religion», опубликованным Вольтером под наименованием «Analyse de la religion chretienne, par Du Marsais»¹²⁷, а также произведением Демарсе «Философ»¹²⁸.

Мы приведем лишь наиболее яркие примеры сходства сочинений Дюмарсе с трактатом Мелье, так как исходный пункт нашего исследования — доказательство возможного знакомства Дюмарсе с «Завещанием» — требует дополнительной разработки и уточнения. Кроме того, пространное изложение данного вопроса в значительной мере повторило бы наш раздел о Мелье и Вольтере, ибо последний был наиболее выдающимся французским деистом XVIII в.

Заголовки некоторых разделов «Examen sur la religion», порядок их расположения в известном смысле как бы повторяют логику антирелигиозной критики, содержащейся в «Завещании», разумеется, той критики, которая была приемлема для деизма. После предварительных замечаний, обосновывающих право каждого разумного человека критически подходить к религиозному учению, автор «Examen sur la religion» намечает следую-

¹²⁴ ЦГАДА, ф. 109, оп. 3, д. 1482—1483, лл. 2—3.

¹²⁵ Voltaire. Recueil nécessaire... t. 2, p. 5.

¹²⁶ M. Dommanget. Op. cit., p. 417.

¹²⁷ Voltaire. Recueil nécessaire avec l'Évangile de la raison, t. I, p. 1—70.

¹²⁸ См. «Вопросы религии и атеизма», 1958, № 5 (публикация и вступительная статья Ю. Я. Когана).

щие главы: о священном писании, об Иисусе Христе, о церкви и соборах, о святых отцах и мучениках, о пророках и пророчествах, о Троице и первоюродном грехе. Далее излагаются основы естественной религии и обосновывается деистическая концепция верховного существа.

Отправная точка антирелигиозной критики у Мелье и Дюмарсе совпадает. Последний шипет, что множественность религий, их противоречивость и происходящие в них изменения ясно опровергают их богооткровенность и доказывают, что религия есть всего лишь человеческая страсть¹²⁹. Напомним, что первое доказательство ложности религии Мелье обосновывал тем, что она — лишь измышления человека¹³⁰. Дальнейшие рассуждения Дюмарсе направлены против слепой веры, которой требует всякая религия от своих приверженцев¹³¹. Слепая вера разделяет людей, разрушает идеал всемирного братства, является источником бесчисленных религиозных войн. «...Сколько войн, сколько смут из-за химер... Посмотрите, какие беспорядки произвели всевозможные ереси, которые всегда касались умозрительных вопросов: то речь шла о трех ипостасях и их проявлениях, то о числе таинств и их силе, то о природе и силе благодати»¹³². Во «Втором доказательстве ложности религии» Мелье также показывает, что слепая вера не может быть принципом, на котором основывается истинное учение. Она — источник и роковая причина смуты и вечных расколов среди людей¹³³. Как Мелье, так и Дюмарсе не признает доказательств истинности христианской религии. Все эти мнимые доказательства — чудеса, пророчества, откровения — христианская религия извлекает из «священного» писания, книгам которого нельзя верить, ибо это «сплеление фактов, возмущающих разум»¹³⁴. В якобы «божественных» книгах встречаются ошибки, редкие даже в книгах историков, которые вовсе не претендуют на божественное откровение. Следовательно, авторы «святых» книг не были вдохновлены богом¹³⁵. Далее Дюмарсе переходит к рассмотрению того, кто были авторы этих книг, были ли они достаточно известны и прославлены¹³⁶. Он, подобно Мелье, утверждает, что «мы не знаем почти ни одного автора священных книг»¹³⁷. Многие «священные книги» были либо одобрены, либо отвергнуты церковью. На каком основании? Почему одни более священны, чем другие?¹³⁸ Что касается, в частности, книг Ветхого завета, то их, якобы по внушению бога, собрал Ездра. Однако какие основания верить Ездру, на авторитете которого держится весь Ветхий завет?

Дюмарсе, подобно Мелье, исследует противоречия евангелий, составляющих Новый Завет. Так, он приводит противоречивые свидетельства Луки и Матфея относительно того, что произошло сразу после рождения Христа. Первый сообщает, что «родители Иисуса Христа, дева Мария и ее муж Иосиф, жили в г. Назарете». Второй утверждает, что они бежали в Египет из-за приказа царя Ирода перебить всех младенцев, родившихся в окрестностях Вифлеема¹³⁹.

Число совпадений такого рода можно было бы увеличить. Однако и приведенные примеры ясно показывают, что Вольтер не был единственным французским деятелем, связанным неразрывными узами с антиклерикальной критикой, содержащейся в «Завещании». Не исключено, что «Завещание» Мелье не только вдохновило деятелей из кружка Буланвилье, но и дало им метод и аргументы, опровергающие христианство.

¹²⁹ Дюмарсе. *Философ*. — «Вопросы религии и агензма», 1958, № 5, стр. 426.

¹³⁰ Мелье. *Завещание*, т. I, стр. 84—114.

¹³¹ Дюмарсе. *Указ. соч.*, стр. 426.

¹³² Там же, стр. 430.

¹³³ Мелье. *Завещание*, т. I, стр. 118—128.

¹³⁴ *Analyse de la religion...* Voltaire. *Recueil nécessaire...*, t. I, p. 1.

¹³⁵ *Analyse de la religion...*, p. 5; Мелье. *Завещание*, т. I, стр. 136—137.

¹³⁶ *Analyse de la religion...*, p. 6—7; Мелье. *Завещание*, т. I, стр. 144—146.

¹³⁷ *Analyse de la religion...*, p. 12.

¹³⁸ *Analyse de la religion...*, p. 9; Мелье. *Завещание*, т. I, стр. 158—159.

¹³⁹ *Analyse de la religion...*, p. 12. Мелье. *Завещание*, т. I, стр. 157.

Идейными наследниками Мелье в первой половине XVIII в. оказались не только Вольтер и философы-деисты из кружка Булашвиллье. «Завещание» священника из Шампани неразрывно связало и с французским материализмом, который в то время был представлен прежде всего творчеством Жюльена Офре Ламетри. Нет необходимости излагать творческий путь Ламетри, — это с достаточной полнотой сделано в посвященных ему специальных исследованиях и статьях¹⁴⁰. Мы приведем лишь некоторые данные, которые покажут, что «Завещание» Мелье было одним из идейных истоков мировоззрения замечательного французского философа-материалиста первой половины XVIII в.

Как известно, собственно философская деятельность Ламетри продолжалась всего шесть лет. Трактат «Естественная история души», изданный в 1745 г., и труд «Очерк происхождения души», работа над которым была прервана 11 ноября 1751 г. ислепой и трагической смертью, — таковы начальная и конечная вехи литературно-философской деятельности одного из выдающихся корифеев французского материализма. Творчество Ламетри отчетливо делится на два периода: 1745—1747 гг. и конец 1747—1751 г. В первый период, кроме трактата «Естественная история души», Ламетри опубликовал в 1747 г. «Краткое изложение философских систем» — одно из важнейших сочинений для исследования идейных истоков его мировоззрения. Во второй период Ламетри дважды издал свой главный философский труд «Человек-машина» и в последующих произведениях конкретизировал и развивал идеи этого своего главного сочинения. Из произведений второго периода отметим так называемое «Предварительное рассуждение» — предисловие Ламетри к первому, 1751 г., изданию собрания его сочинений, которое кратко обобщает его философскую систему, а также изданное в 1748 г. «Сочинение Пепелопы или Макиавелли в медицине» — направленный против врачей-шарлатанов блестящий и беспощадный памфлет, который содержит неоспоримое доказательство знакомства Ламетри с «Завещанием» Жана Мелье.

При изучении идейных истоков мировоззрения Ламетри исследователи обычно отталкивались от «Краткого описания философских систем», в котором упоминаются Вольф, Лейбниц, Локк, Спиноза, Буржав, Декарт, Мальбранш и другие философы. На основании характеристик, данных Ламетри перечисленным философам, делался вывод, что «в мировоззрении Ламетри мы имеем... материалистический синтез различных элементов из учений Декарта, Спинозы, Локка и Бургава»¹⁴¹. При этом отмечалось, что Спиноза, Декарт и философы-картезианцы являлись непосредственными идейными предшественниками и учителями Ламетри¹⁴². Мы далеки от мысли оспаривать этот вывод. Однако изучение произведений Ламетри, относящихся ко второму периоду, показывает, что и Жан Мелье должен быть отнесен к числу его учителей.

Известно, что «Человек-машина», непосредственно примыкая по своему идейному содержанию к «Естественной истории души», по сравнению с этим произведением носит более ярко выраженный боевой, воинствующий характер. В нем больше, чем в других произведениях Ламетри, прямых выпадов против бога и религии; в нем более открыто, чем прежде,

¹⁴⁰ E. Bergmann. Die Satiren des Herrn Maschine. Leipzig, 1913; P. Lemée. Julien Offray de La Mettrie, médecin, philosophe, polémiste; sa vie son oeuvre. Paris, 1954; A. Vartanian. La Mettrie's 'l'Homme machine. A study in the origins of an idea. Critical edition with an introductory monograph and notes. Princeton, 1960. А. М. Деборин. Предисловие.— Ламетри. Избр. соч. М.—Л., 1925; I. Tisserand. La Mettrie (1709—1751).— La Mettrie. Textes choisis. Paris, 1954; R. Desné; L'humanisme de La Mettrie.— «La Pensée», 1963, № 109, p. 93—110.

¹⁴¹ А. М. Деборин. Указ. соч.— Ламетри. Избр. соч., стр. XXIV.

¹⁴² Ср. M. Tisserand. Op. cit.— La Mettrie. Textes choisis, p. 14—21.

отстаиваются принципы атеизма. Причем соответствующие строки «Человека-машины» и некоторые пассажи «Предварительного рассуждения» поразительно напоминают соответствующие высказывания Жана Мелье.

Так, касаясь вопроса о происхождении религиозных культов, Ламетри пишет: «Те, кто вследствие своего разума или способностей были признаны достойными стать во главе других, предусмотрительно призвали на помощь правилам и законам... религию. Она появилась со священной повязкой на глазах и скоро оказалась окруженной чернью, слушающей с разинутым ртом и изумленным видом рассказы о чудесах, до которых чернь всегда падка и которые — странное дело — производят на нее тем большее впечатление, чем меньше она их понимает»¹⁴³.

«Вожди народов», по мнению Ламетри, воспользовались авторитетом религии для освящения установленных ими законов и правил поведения. Подобно Мелье, он неоднократно подчеркивает, что назначение религии состоит в том, чтобы удерживать народ от сопротивления властям и их законам. Многие люди из народа только потому избегают уготованной для непокорных виселицы, что боятся мучений ада. «Мы, — говорит Ламетри, обращаясь к чиновникам, министрам и законодателям, — приветствуем ваши законы, вашу нравственность и даже вашу религию почти так же, как ваши виселицы и эшафоты»¹⁴⁴.

Достаточно сравнить эти обобщающие высказывания Ламетри с рассуждениями Мелье о происхождении религии и ее неразрывной связи с политикой в угнетении обездоленного и невежественного народа¹⁴⁵, чтобы убедиться в сходстве идей автора «Завещания» и Ламетри. Последний, однако, смягчает социальную направленность идей Мелье о происхождении религии. Если для Ламетри государи, короли и правители, прибегающие к религиозному дурману, — «вожди народов», которые вследствие своего разума или способностей были «признаны достойными стать во главе других», то для Мелье «короли, монархи и властители» прибегли к религии, чтобы «заставить бояться себя», «повиноваться себе», «открыто и тиранически подчинять своих ближних своим законам», — для чего это не вожди народов, а их тираны¹⁴⁶.

Эта разница не удивительна. В отличие от Мелье — революционера и социалиста — Ламетри весьма сдержан в своих социальных выводах. Для него его сочинения — лишь возможность «доказать новую истину», «расширить границы своего знания и ума», «увеличить просвещение в обществе» и «распространить в нем свет знания»¹⁴⁷. «Все, что я хочу, — писал Ламетри, — это чтобы держащие кормило правления были немногие философы». Свою личную задачу, как философа, он мыслит значительно более узко, чем Мелье, для которого его «Завещание» — одно из средств поднять народ на революционную борьбу против экономического, политического и духовного угнетения.

Подобно Мелье, Ламетри утверждает, что к признанию высшего существа нас может привести только глупая и слепая вера, однако все представления о ней «находятся в противоречия с самыми несомненными принципами и с самыми бесспорными истинами». Вера — источник фанатизма и религиозных войн¹⁴⁸. Умы богословов принесли людям войну во имя бога. Религиозные войны — «самые ужасные моменты» истории человечества¹⁴⁹.

¹⁴³ Л а м е т т р и. Предварительное рассуждение. — Избр. соч., стр. 5.

¹⁴⁴ Там же, стр. 18.

¹⁴⁵ М е л ь е. Завещание, т. I, стр. 59—61, 68—69, 82—83, 109—111.

¹⁴⁶ Там же, стр. 60—61.

¹⁴⁷ Л а м е т т р и. Предварительное рассуждение. — Избр. соч., стр. 32; М е л ь е. Завещание, т. I, стр. 78—79.

¹⁴⁸ Л а м е т т р и. Человек-машина. — Избр. соч., стр. 181.

¹⁴⁹ Л а м е т т р и. Предварительное рассуждение. — Избр. соч., стр. 19; М е л ь е. Завещание, т. I, стр. 118—124.

Для Ламетри, как и для Мелье, «все доказательства существования бога имеют только видимость убедительности... ничто не может нам дать представления о том, чего не могут ни воспринять наши чувства, ни охватить наш слабый ум¹⁵⁰. «Доводы в пользу существования творца... недоступны для нашего рассудка»¹⁵¹.

В произведении «Человек-машина» Ламетри, защищая принципы атеизма, приводит следующий рассказ, который нам представляется одним из доказательств его знакомства с идеями «Завещания» Жапа Мелье. Согласно этому рассказу, один из друзей Ламетри «француз, человек с большими заслугами и достойный лучшей участи», заявлял, что «человечество не будет счастливо до тех пор, пока не станет атеистичным. Вот каковы доводы этого ужасного человека: если бы атеизм получил всеобщее распространение, то тогда все религии мира были бы подрезаны в корне. Прекратились бы религиозные войны, и перестало бы существовать ужасное религиозное воинство, природа, зараженная ныне религиозным ядом, вновь вернула бы себе свои права и свою чистоту; глухие ко всяким другим голосам, умиротворенные смертные следовали бы только свободным велениям собственной личности,— велениям, которыми нельзя безнаказанно пренебрегать и которые одни только могут нас вести к счастью по приятной стезе добродетели. Таков естественный закон. Тот, кто его соблюдает, является честным человеком, заслуживающим доверия всего рода человеческого. Тот, кто не следует ему добросовестно, как бы ревностно он ни исполнял предписаний любой религии, есть негодяй или лицемер, которому я не верю»¹⁵². Никто, кроме Жапа Мелье, к 1747 г. столь открыто и последовательно не защищал принципы атеизма. Никто, кроме него, столь гневно не бросал в лицо хриstopоклонникам: каждый из вас либо негодяй, либо лицемер. Наконец, пересказанные Ламетри доводы «ужасного человека», «француза, достойного лучшей участи», попросту совпадают с некоторыми страницами «Завещания». Так, Мелье писал своим современникам: «Вы вечно будете жалкими и несчастными, пока будете следовать заблуждениям религии и оставаться в порабощении у ее суеверий. Отбросьте же полностью все эти пустые и суеверные обряды религии, изгоните из вашего ума эту безумную и слепую веру в ложные тайны!»¹⁵³. Нужно «следовать только голосу разума... это даст людям больше благ, больше удовлетворения и спокойствия, телесного и душевного, чем все ложные правила и вздорные обряды их суеверных религий»¹⁵⁴. На протяжении всего «Завещания» Мелье называет хриstopоклонников «самыми наглými и гнусными обманщиками народа»; «слугами суеверий», «шарлатанами» и т. д. С негодованием он писал о «священниках-цилках... которые в своем кругу насмеются над таинствами и обрядами своей религии»¹⁵⁵.

Нам могут, однако, возразить, что это случайное совпадение мыслей Мелье и Ламетри, что рассказ об «ужасном» французском атеисте — всего лишь литературный прием, что в образе своего друга-атеиста с «большими заслугами» автор выводил самого себя. В самом деле, если Ламетри имел в виду Мелье, почему он просто не назвал его имя, а прибег к упомянутому литературному образу?

Напомним, что «Человек-машина» был издан в конце 1747 г. в Голландии анонимно. И тем не менее Ламетри был вынужден эмигрировать в Германию и поселиться в Бердине при дворе прусского короля Фридриха II. Можно предполагать, что Ламетри, проживая в Голландии в каче-

¹⁵⁰ Л а м е т т р и. Предварительное рассуждение.— Избр. соч., стр. 32.

¹⁵¹ Л а м е т т р и. Человек-машина.— Избр. соч., стр. 211.

¹⁵² Там же, стр. 212.

¹⁵³ М е л ь е. Завещание, т. III, стр. 355.

¹⁵⁴ М е л ь е. Завещание, т. I, стр. 79.

¹⁵⁵ Там же, стр. 74.

стве эмигранта и подготавливая анонимное издание «Человека-машины», по цензурным соображениям и соображениям личной безопасности не называет Мелье, а для изложения его атеистических воззрений прибегает к упомянутому выше литературному приему, зато в 1748 г., став членом немецкой Академии наук, чтением, личным врачом и другом Фридриха II, т. е. работая в условиях относительной личной безопасности и находясь в меньшей зависимости от цензурных требований, он прямо заявил о своем знакомстве с атеизмом Мелье. В памфлете «Сочинение Пенелопы или Макиавелли в медицине» Ламетри писал: «Спиноза никогда не говорил того, что он думал. Изложение его подлинных мыслей обнаружили в его бумагах после смерти, как и у того священника из Шампани, человека большой добродетели (историю его знают многие люди), у которого нашли три копии его атеистического произведения»¹⁵⁶. Это свидетельство Ламетри важно не только само по себе, оно подкрепляет все наши предыдущие соображения о том, что произведения Ламетри, относящиеся ко второму периоду его творчества, говорят о влиянии Жана Мелье. Когда и как Ламетри впервые узнал о Мелье? Указания Домманже о том, что вскоре после смерти Мелье Ламетри учился в Реймсе, а также что автор «Человека-машины» мог познакомиться с «Завещанием» при дворе Фридриха II¹⁵⁷, намечают пути исследования этих вопросов.

В центре своих философских размышлений Ламетри поставил антропологическую проблему. По его мнению, природа души человека составляет коренной вопрос философии. Ламетри, вслед за Мелье, дает материалистическое решение этого вопроса, и именно поэтому его сочинения вызвали шумное одобрение одних и негодование других современников¹⁵⁸. Учению Ламетри о материальности души человека сходно с соответствующими идеями Мелье, которые последний излагает в восьмом доказательстве ложности религии, вытекающем из ложности представлений о духе и «бессмертии души»¹⁵⁹.

Под душой Ламетри понимает способность человека чувствовать и мыслить. «Душа,— по его мнению,— лишенный содержания термин, за которым не кроется никакого определенного представления и которым ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего тела, которая мыслит»¹⁶⁰. Согласно Мелье, «жизнь и сущность души и духа составляет... мышление»¹⁶¹, под душой он, так же как Ламетри, понимает способность познавать и чувствовать¹⁶².

Душа, т. е. способность к чувству и мышлению, есть нечто реальное и материальное, обладающее определенными свойствами бытия¹⁶³. Из этого рассуждения неизбежно вытекает, что материя обладает способностью к мышлению. Ламетри согласен с этим исходным положением. «Метафизики,— пишет он,— утверждают, что материя вполне может обладать способностью к мышлению, ничуть не опозорили себя»¹⁶⁴.

Картезианцы сделали, по мнению Ламетри и Мелье, ошибку, допустив в человеке существование двух субстанций и создав в своем воображении различие между телом и духом¹⁶⁵. Это допущение картезианцев не выдерживает никакой критики. «Только пытаясь найти душу как бы внутри органов тела», можно с максимальной степенью вероятности постичь сущ-

¹⁵⁶ La Mettrie. Ouvrage de Pénélope, t. II. [S. I.]. 1748, p. 105.

¹⁵⁷ M. Dommanget. Op. cit., p. 418—419.

¹⁵⁸ M. Tisserand. Op. cit.— La Mettrie. Textes choisis, p. 15.

¹⁵⁹ Мелье. Завещание, т. III, стр. 246—330.

¹⁶⁰ Ламетри. Человек-машина.— Избр. соч., стр. 213.

¹⁶¹ Мелье. Завещание, т. III, стр. 285.

¹⁶² Там же, стр. 325.

¹⁶³ Там же, стр. 246—247.

¹⁶⁴ Ламетри. Человек-машина.— Избр. соч., стр. 179.

¹⁶⁵ Ламетри. Человек-машина.— Избр. соч., стр. 179; Мелье. Завещание, т. III, стр. 248—288.

ность человека, утверждал Ламетри¹⁶⁶. Он приводит различные примеры, показывающие связь между душой и телом. «Во время болезни душа то потухает, не обнаруживая признаков жизни; то словно удваивается: так велико охватывающее ее чувство»¹⁶⁷. «Воображение, — по мнению Ламетри, — засоряется вместе с нашими внутренними органами, от чего и происходят своеобразные явления истерических и шизохондрических заболеваний»¹⁶⁸. Во время сна «душа и тело засыпают одновременно». «Погрузившись в тихий, мирный, глубокий сон, мы ни о чем не думаем...», «Душа развивается вместе с телом...»¹⁶⁹, «...различные состояния души всегда соответствуют аналогичным состояниям тела» — резюмирует Ламетри.

Рассуждения Мелье о материальном единстве души и тела не менее ярки и, пожалуй, более высчитливы. «Отнимите у нас глаза. Что мы увидим? Ничего. Отнимите у нас уши. Что мы будем слышать? Ничего. Отнимите у нас наши руки, что мы будем осизать? Ничего, разве только очень несовершенно другими частями тела. Отнимите у нас нашу голову и мозг, что мы будем мыслить? Что будем мы познавать? Ничего. Отнимите, наконец, наше тело и все наши члены, что будем мы чувствовать? Где будет наша жизнь? Где будут наши мысли и наше познание? Где будут наши улады, наши удовольствия, наши радости? Где будут наши огорчения, наши страдания и наши неудовольствия? Где будем мы сами? Конечно, нигде»¹⁷⁰. «Наша душа, — по мнению Мелье, — представляет собой более тонкую и более подвижную материя в нас сравнительно с другой более грубой материей, которая составляет члены и видимые части нашего тела»¹⁷¹. «Наша душа крепнет и слабеет по мере того, как крепнет и слабеет наше тело»¹⁷².

Показав материальное единство тела и души человека, Мелье и Ламетри большое внимание уделяют обоснованию материального единства человека и животных.

И в этом пункте своего учения они ведут острую полемику с картезианской философией, которая не признавала за животными какого-либо познания, чувства боли или удовольствия, способности любить или ненавидеть. По мнению картезианцев, животные едят без удовольствия, кричат без боли; они ничего не желают, ничего не боятся и т. д. В противоположность им Ламетри писал: «Человек создан не из какой-то более драгоценной глины, чем животные, природа употребила одно и то же тесто как для того, так и для других, разнообразия только дрожжи»¹⁷³. «В общем и целом... строение мозга у четвероногих почти такое же, как и у человека...»¹⁷⁴ «Переход от животного к человеку, — по мнению Ламетри, — не очень резок»¹⁷⁵. Примерно за 20 лет до Ламетри Мелье утверждал: «...Жизнь людей или жизнь животных и растений... есть лишь своего рода модификация или состоящие непрерывного брожения их существа, т. е. той материи, из которой они состоят...»¹⁷⁶. «Неужели, — восклицал он, — природа дала животным рот, чтобы есть и не ощущать никакого вкуса? Неужели она дала им мозг... чтобы ничего не думать и ничего не познавать? Какой самообман (картезианцев. — Г. К.)! И неужели, наконец, живая плоть дана, чтобы ничего не чувствовать? Какая фантазия!»¹⁷⁷.

¹⁶⁶ Л а м е т т р и. Человек-машина. — Избр. соч., стр. 183.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Л а м е т т р и. Человек-машина. — Избр. соч., стр. 184; М е л ь е. Завещание, т. III, стр. 286—287.

¹⁷⁰ М е л ь е. Завещание, т. III, стр. 276—277.

¹⁷¹ Там же, стр. 278.

¹⁷² Там же, стр. 279.

¹⁷³ Л а м е т т р и. Человек-машина. Избр. соч., стр. 205.

¹⁷⁴ Там же, стр. 189.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ М е л ь е. Завещание, т. III, стр. 317.

¹⁷⁷ Там же, стр. 320.

Однако, доказывая материальное единство животных и человека, Мелье заходит слишком далеко. По его мнению, «животные имеют свой естественный язык», «отлично понимают друг друга», «образуют между собой общество», «обладают способностью познавать» и т. д.¹⁷⁸ Ламетри в этом вопросе обнаруживает больше реализма. «Организация человека является главным преимуществом человека» по сравнению с животными. Вторым его преимуществом является образование и воспитание¹⁷⁹. В последующих своих произведениях (особенно в «Человеке-растении» и «Системе Эпикура») Ламетри, близко подходя к идеям эволюции, показывает, что человек явился результатом длительного развития природы и особенно органических существ. Нетрудно заключить, что в этом вопросе Ламетри, по сравнению с Мелье, сделал значительный шаг вперед в развитии материалистической философии.

У Ламетри, по сравнению с Мелье, есть и еще одно преимущество. Рассуждения Мелье о единстве животных и человека, о материальном единстве души и тела человека носят общий умозрительный характер. Для подтверждения своих мыслей он обращается к священному писанию к авторитету библейских пророков, а также к свидетельствам известных античных писателей¹⁸⁰. Врач по специальности, Ламетри аргументирует положение о том, что в «мире существует только одна субстанция, и человек является самым совершенным ее проявлением»¹⁸¹, основываясь на примерах достижений биологической науки своего времени, в особенности на примерах медицины и личной врачебной практики.

В материалистическом учении о человеке Ламетри, однако, не во всем достиг вершин мысли Мелье. Мы имеем в виду то обстоятельство, что Ламетри с меньшей категоричностью, чем Мелье, доказывал ложность учения богопоклонников о бессмертии души. Действительно, если, с одной стороны, из учения Ламетри о материальности души, ее единстве с телом и вытекал вывод, что душа смертна и что нет никаких надежд на потустороннюю жизнь или на переселение душ, то, с другой стороны, в «Человеке-машине» он писал: «Мы не будем утверждать, что всякая машина, или всякое животное (в том числе и человек. — Г. К.), после смерти совершенно погибает или принимает другую форму, так как мы решительно ничего об этом не знаем»¹⁸². Может быть, эту непоследовательность следует объяснить осторожностью Ламетри, продиктованной соображениями личной безопасности? В самом деле, произведения Ламетри, изданные после «Человека-машины», как будто содержат прямые высказывания против учения о бессмертии души. «Все доказательства бессмертия души только схоластичны и легковесны»¹⁸³, — писал он в 1751 г. «Будущая жизнь — химера»¹⁸⁴. «Люди уходят из этого мира так же, как приходят в него, незаметно для себя... Смерть есть конец всего. После нее... пропасть, вечное небытие; все сказано, все сделано»¹⁸⁵. Эти размышления не приводят Ламетри к пессимизму. Подобно Мелье, он восклицает: «Будем наслаждаться настоящим: в нем вся наша жизнь»¹⁸⁶. Нужно «ограничиться настоящим, которое только одно в нашей власти»¹⁸⁷. Однако в «Системе Эпикура» — произведении, впервые изданном в 1750 г., Ламетри задает вопрос: «Будем ли мы, когда нас больше не будет на свете?». И тут же отвечает: «Этого нико-

¹⁷⁸ Мелье. Завещание, т. III, стр. 320—323.

¹⁷⁹ Ламетри. Человек-машина. Избр. соч., стр. 198, 207.

¹⁸⁰ Мелье. Завещание, т. III, стр. 330—343.

¹⁸¹ Ламетри. Человек-машина. — Избр. соч., стр. 223.

¹⁸² Там же, стр. 230.

¹⁸³ Ламетри. Предварительное рассуждение. — Избр. соч., стр. 32.

¹⁸⁴ Там же, стр. 48.

¹⁸⁵ Ламетри. Система Эпикура. — Избр. соч., стр. 273.

¹⁸⁶ Там же, стр. 277.

¹⁸⁷ Ламетри. Рассуждение о счастье. — Избр. соч., стр. 298.